

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

ЖУРНАЛ «ЭРОП» О ДОСТОЕВСКОМ*

Достоевского на Западе узнали довольно поздно, но, узнав, оценили восторженно. Во Франции, он, пожалуй, снискал себе наибольшую славу. Однако многие видели в нем некоего таинственного выразителя непонятной «русской души». Такие писатели, как Андре Жид и Сюарес, считали Достоевского предтечей русского и западного «fin de siècle», прославляя главным образом слабые стороны творчества писателя.

Апогеем такого восхваления явились 20-е годы. В Достоевском видели прежде всего автора «Записок из подполья» и «Бесов». Считалось, что он стоял над социальными противоречиями своей эпохи. Но, превознося Достоевского, его поклонники никак не объясняли сложнейшие вопросы творчества писателя, для многих он оставался загадочной фигурой и нерешенной проблемой.

В последнее время во французской критике и среди прогрессивной французской интеллигенции наметилась совершенно иная тенденция в оценке писателя — стремление объективно разобраться в противоречиях его творчества. Лучшими книгами Достоевского эта критика считает те, в которых с наибольшей силой показаны человеческие страдания: «Бедные люди», «Преступление и наказание». Эта часть французской критики с большим вниманием и уважением относится к советским исследованиям о Достоевском. Главной ее особенностью является социально-исторический подход к творчеству великого писателя.

В номере прогрессивного французского журнала «Эроп», посвященном 75-летию со дня смерти писателя, представлена эта новая тенденция.

«Долгое время Достоевского ценили на Западе за его экзотику, за русский характер», — пишет Беллем, автор статьи «Достоевский — сегодня», где формулируются общие установки прогрессивной французской критики. Порывая с ложной традицией трактовки писателя, передовая критика не должна впадать, по мнению Беллема, в другую крайность. «Мы не собираемся делать из Достоевского марксиста и прогрессиста. Он... не был революционером, он даже поддерживал царя» (стр. 55). Это не лишает творчество Достоевского огромной ценности. Для передовой части французской интеллигенции оно дорого той несравненной глубиной, с которой писатель сумел показать переживания людей своей эпохи.

Робель, автор статьи «Величие Достоевского», считает, что для верной оценки писателя важен социально-исторический подход к его произведениям. Автор подроб-

* «Еurope», 1956, ноябрь — декабрь.

но останавливается на «Бедных людях», «Униженных и оскорбленных», «Записках из Мертвого дома» и больше всего — на «Преступлении и наказании». Он признает этот роман самым значительным из всего написанного Достоевским. Робель на протяжении всей статьи прослеживает эволюцию, которую претерпело мировоззрение Достоевского, говорит о реализме и о реакционных тенденциях в его творчестве. В 40-е годы Достоевский — «разночинец, демократ, гуманист», но в отличие от Гоголя он уже тогда делает особый акцент на психологии героев. К концу творческого пути под влиянием реакционных идей у Достоевского происходит частичное отступление от реализма. В последней главе статьи «Победа реализма» Робель убедительно показывает, что и в поздних вещах Достоевский так гениально изображает жизнь, что она сама разоблачает его же надуманные теории.

«Главное в Достоевском, — пишет Робель, — то, что он дал непревзойденные картины нищеты и страданий людей своей эпохи» (стр. 50).

Рассматривая отдельные этапы творчества писателя, автор придерживается высказанного им справедливого тезиса, что, только критикуя слабости Достоевского, можно понять все его величие.

Статья написана — Робель не скрывает этого — под известным влиянием книги В. Ермилова «Ф. М. Достоевский». Вряд ли можно упрекать французского автора за некоторую несамостоятельность; статья верна по своим основным положениям, и это главное¹.

Близка по исходным позициям к работе Робеля статья польского критика Андрея Ставара «Гуманизм Достоевского». В начале статьи он останавливается на «трагической биографии» писателя, излагая ее на фоне общественно-политической жизни России того времени. Лучшим произведением Достоевского Ставар, как и Робель, считает «Преступление и наказание». Интересен анализ влияния Достоевского на современный западный роман, причем автор убедительно подчеркивает принципиальное отличие Достоевского от его эпигонов. Загроможденный и часто фантастический сюжет у Достоевского никогда не является самоцелью, пишет автор, он отражает его сложное восприятие жизни. Углубленный психологизм Достоевского по природе своей тоже отнюдь не родственен декадентству. Ставар подчеркивает социальный подход Достоевского к психологии героев; самолюбие его действующих лиц — это самолюбие бедняков. В усложненной психике героев писателя отразились сложные социальные противоречия эпохи. Такая защита Достоевского от его декадентствующих подражателей не потеряла на Западе и сейчас своей актуальности. В статье говорится и о слабых сторонах Достоевского, об его «истинном христианстве», которое является естественным выводом из того убеждения, что причина общественных зол — в человеческой душе.

Но с некоторыми положениями статьи мы не можем согласиться. Автор, например, усматривает противоречие между публицистическими выступлениями Достоевского, проповедующими смирение и покорность, и его художественным творчеством. Разумеется, дело обстоит не так просто. Противоречий полны сами произведения

¹ Здесь же укажем, что в этом номере «Эроп» перепечатаны статьи из «Литературной газеты» от 9 февраля 1956 года «Сила художника» Б. Мейлаха и «Достоевский в Сибири» В. Кирпотина. Попутно следует отметить, что в статье Л. Робеля «Величие Достоевского» при перечислении работ советских литературоведов брошюра А. Белкина о Достоевском (изд. «Знание», 1956) ошибочно приписана другому автору — Л. Розенблюм (стр. 23).

гениального писателя, не говоря уже о том, что к концу творчества резкая грань между публицистикой и художественным творчеством у Достоевского стирается, публицистика все больше и больше входит в ткань его романов.

Однако в том же номере «Эроп» мы видим и группу иных статей, для авторов которых творчество Достоевского является не столько объектом исследования, сколько поводом для разнообразных эмоциональных этюдов и «философских» построений.

К их числу относится, например, статья «Россия и Европа в творчестве Достоевского» Жака Мадоль. В его истолковании творчество писателя совершенно оторвано от общественных условий России. По мнению автора статьи, главную проблему творчества Достоевского составляет будто бы соотношение «русского» и «европейского». Основная тема «Преступления и наказания» — «влияние европейской культуры на русскую душу, которая без этого влияния была бы здоровой и в глубине своей такой и остается». Под тем же углом зрения и так же суженно толкуется «Идиот». «Поражение Мышкина (европейца) в общении с русскими говорит о том, что час плодотворного общения России и Европы еще не пробил» (стр. 12). И драма Версилова — раздвоенность между Россией и Европой — это драма Достоевского и всей России, которая «никак не может установить диалог с Европой» (стр. 15). Таким образом, Мадоль, к сожалению, не идет дальше внешней интерпретации творчества Достоевского в свете довольно традиционного противопоставления России и Европы.

Многими натяжками характеризуется также статья Жоржа Ару «По поводу «Двойника». Тему двойника автор прослеживает во всем творчестве Достоевского. У каждого положительного героя есть свой двойник, например у Мышкина — это Ганя Иволгин. Это не ново; конечно, с некоторыми такими «парами» можно и согласиться (Иван Карамазов — Смердяков). Стремление видеть в действиях героев Достоевского выражение его собственных тайных побуждений и поступков — не редкость в западной критике. Основано оно на методологически ошибочном, наивно биографическом подходе к творчеству, который открывает возможность для появления различных домыслов и сплетен о писателе¹. Например, в «Эроп» помещена статья Доминики Арбан, автора недавно опубликованной весьма сомнительной книги «Достоевский — виновный». Речь идет о замысле известного «Жития великого грешника». Главным мотивом его Арбан считает отцеубийство, совершенное в помыслах. Она прослеживает этот мотив во всем творчестве писателя (Иван Карамазов, подстрекавший Смердякова, вражда отца и сына в «Подростке») и делает вывод, что герой «Жития великого грешника» — сам писатель, якобы тайно, в душе своей совершивший грех отцеубийства (отец писателя, как известно, был убит крепостными).

Этот этюд лишний раз иллюстрирует бесплодность фрейдистского подхода к анализу литературных произведений.

Столь же беспочвенной является и статья Шоне «Достоевский и скандал». Шоне проводит более чем странную параллель между убийством старика Карамазова и ми-

¹ Нельзя согласиться и с мнением Ару о том, что вершиной творчества Достоевского являются «Записки из подполья» (ошибочная точка зрения, встречавшаяся еще в начале века у французских ценителей Достоевского, например, у Андре Жида).

фологическим восстанием титанов против Зевса: «Сыновья поднимаются на отца своего, и надо освободить их от страха и покорности».

В то время как серьезным трудом исследователей творчества Достоевского достигается все более полное его объяснение, иные авторы своими субъективистскими рассуждениями только запутывают вопрос, напуская философский туман вокруг имени великого писателя.

Мы старались показать, что, при определенном различии между статьями второй группы, их связывает нечто общее: бездоказательность антинаучность их положений.

К сожалению, отдельными необоснованными положениями, являющимися данью общей склонности к эффектным, но не подтвержденным фактами выводам, грешат даже лучшие статьи сборника, что несколько снижает их научную ценность.

Так, например, в статье Робеля неубедительно выглядит утверждение автора, будто в основу «Легенды о Великом Инквизиторе» положены события во Франции 1876—1877 годов (клерикально-монархический антиправительственный заговор). Единственным основанием автору служат антикатолические настроения Достоевского, в которых многие во Франции видели главный пафос его религии «истинного христианства». Такой же характер носит в статье Ставара сближение стиля Достоевского со стилем повествования Тацита и вообще античных историков. Впрочем, это только частные отступления от общего серьезного стиля названных статей.

Итак, на страницах журнала «Эроп» представлены два совершенно разных подхода к Достоевскому. Один из них кажется нам плодотворным, другой — ложным.

Е. СУРИЦ.
